

N° 2

22. III. 1934

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ

жизнь

ВЫХОДИТЕ ВЪ ПАРИЖЪ
ЕЖЕНЕДѢЛЬНО ПО ЧЕТВЕРГАМЪ

La Vie Illustrée

PARAIT TOUS LES JEUDIS A PARIS

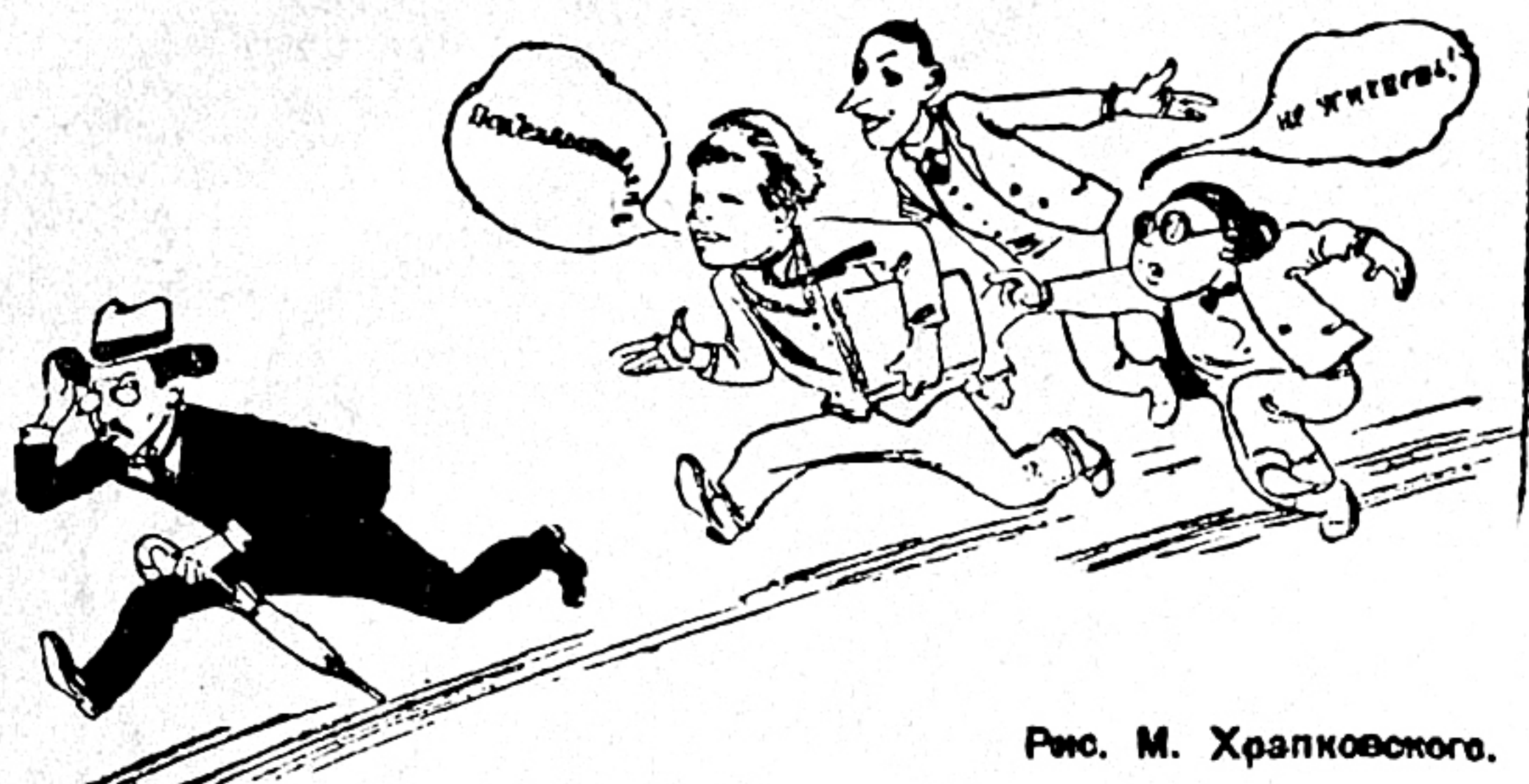

Рис. М. Храпковского.

Случай съ классикомъ

ЛИТЕРАТУРНАЯ СКАЗОЧКА ДЛЯ ПИСАТЕЛЕЙ МЛАДШАГО ВОЗРАСТА

ЕВГ. БЕРМОНТЪ.

НЕДАВНО безсмертныя русскіе классики собрались на расширенный пленумъ. Позвали даже Державина. Рѣчь шла о томъ, чтобы послать въ Москву своего полномочнаго представителя. Пусть передастъ подъ расписку классическое наслѣдіе прошлаго и познакомится поближе съ тѣми, кто смѣнилъ ихъ на весеннемъ сѣвѣ «разумнаго, добраго, вѣчнаго».

Выборъ палъ на Чехова.

— Поѣзжайте, Антонъ Павловичъ, — уговаривали его остальные классики, — вы у насъ самый молодой. У васъ и сейчасъ по Москвѣ не мало родныхъ и знакомыхъ. И языкъ вашъ теперь вполне понятенъ. Скорѣй сговоритесь.

— Безусловно, — улыбнулся Чеховъ, — рѣчь, конечно, обновляется, но думаю, что на языкѣ Толстого съ совѣтскими писателями все-таки можно сговориться.

И уѣхалъ.

А черезъ нѣсколько дней Антонъ Павловичъ уже стоялъ у вѣшалки Дома Герцена и съ любопытствомъ черезъ пенснэ разсматривалъ писателей, торопившихся на какое-то засѣданіе.

Первымъ узналъ Чехова писатель Федоръ Панферовъ.

— А, Антонъ Павловичъ! Чего такъ скукожился?

— Чего? — не понялъ классикъ.

— Скукожился чѣго, базиню? Не понимаешь или подъедаешься?

— Подъедаю, — любезно согласился Чеховъ, рѣшивъ, что передъ нимъ писатель какой-нибудь малой сѣверной народности, заглохшей въ его время подъ великодержавнымъ прессомъ. — Привычка, знаете... А разрѣшите узнать, на какомъ это языкѣ вы со мной... базините?

Панферовъ криво усмѣхнулся.

— Какъ на какомъ? На русскомъ. Родную рѣчь забыли, эхъ, Антонъ Павловичъ. стыдно! Ну, пыжай дальше, трюильный.

Чеховъ пожалъ плечами, посторонился, а авторъ «Брусковъ», нахмуривъ брови, пошелъ наверхъ. Стоявшій тутъ же будущій классикъ Левъ Нитобургъ, кивнувъ на уходящаго писателя, замѣтилъ:

— Шалапутный табунчикъ лягнулся задористой фразой.

— Кто лягнулся? — недоумѣвающе оглянулся Чеховъ, ища около себя что-нибудь вродѣ лошади.

— Что вы, Чеховъ, изъ себя выкикурдовываете? — обидѣлся Нитобургъ. — Скокулязило меня ажъ. Слѣдовало бы ожгнуть. Ишь, забуроманило всего.

— Да, да, — поддержалъ его тоже писатель Пермитинъ, кильчакъ вамъ промежду ягодицъ. Литературнаго языка не понимаете. А еще классикъ. И какъ это легко у насъ въ классики выходятъ... Да обождите, Антонъ Павловичъ. Куда вы? Нѣтъ, ты отъ меня не усикнешь!

— Да я и не собираюсь... какъ это вы говорите... усикать отъ васъ. Меня очень

интересуетъ — вотъ всѣ эти слова вы въ книги тоже вставляете?

— Конечно. Еще не такія вставляемъ. Дѣтямъ показать стыдно.

— А вамъ не стыдно?

— Намъ нѣтъ. Привыкли.

Нитобургъ захохоталъ.

— Ха-ха-ха. Бѣлевѣсый какой. Гогона, крикунъ, бабникъ, одно слово: брянскій ворокоса бѣгунный.

Чеховъ посмотрѣлъ на него, какъ смотритъ врачъ, когда ему въ психіатрической лѣчебницѣ представляютъ интересный экземпляръ больного.

— Давно началось?..

Окружающіе неопредѣленно улыбнулись. Авторъ печатался давно. Сказать это было неловко. Только Пермитинъ высказался.

— Саймонъ непрочь подъ корешокъ огляшнить. Ишь, какъ дюзнулъ.

Антонъ Павловичъ вздохнулъ, снялъ пенснэ, протеръ стекла носовымъ платкомъ, снова надѣлъ ихъ и сталъ медленно пятиться къ лѣстницѣ. Когда онъ уже достигъ верхней ступеньки и, вцѣпившись въ пери-

ла, собрался бѣжать внизъ, его настигъ писатель Петръ Сажинъ.

— Чеховъ. Дорогой! Классикъ! Собрать! На строительство былъ? Лебедки хордыбачать?

— Не знаю, какъ лебедки, а писатели опредѣленно хордыбачать.

— А знаете, у меня желаніе забралось въ гости къ чувствамъ.

— Бываетъ. Съ чѣмъ васъ и поздравляю.

— А спина согнулась, утанвъ за собою грудь.

— Жалко, что она голову не утаила.

— А то вотъ еще...

Но Чеховъ уже не слышалъ. Антонъ Павловичъ, точно Подколесинъ изъ «Женитьбы» его коллеги Гоголя, выскочилъ въ окошко и, вековчивъ въ проходившій мимо трамвай, помчался прочь. Явившись же на пленумъ безсмертныхъ классиковъ, онъ швырнулъ на столъ шляпу и мрачно спросилъ Пушкина:

— Вы, Александръ Сергѣевичъ къ XVIII столѣтію ближе. Кто это написалъ такіе стихи?

Элефанты и леонты

И лѣсные граки

И орлы, оставивъ монты,

Учиняють браки.

Пушкинъ засмѣялся:

— Это писалъ извѣстный скатерининскій пинта Тредьяковскій.

— Ну, такъ пошлите представителемъ его. Онъ съ Пермитинымъ скорѣй сговориться...

ЭТО БЫЛА сказка, а притча вотъ: — Всѣ слова, которыми говорятъ здѣсь писатели, взяты изъ ихъ романовъ.

Правда, обычно писатели межъ собой на такомъ языкѣ не изъясняются. Они заставляютъ это дѣлать своихъ героевъ. Бѣдные же герои даже протестовать не могутъ. Мы мстимъ за нихъ. Пусть авторы милыхъ словечекъ почувствуютъ, какъ пріятно всю жизнь подъедавать. Можетъ, ихъ отъ этого скокулязить, и они перестанутъ выкикурдовывать, а начнутъ писать русскимъ человѣческимъ языкомъ.

Евг. Бермонтъ.